

Научная статья

УДК 811

DOI 10.25205/1818-7935-2022-20-1-96-111

Коммуникативная стратегия маргинализации как манипулятивная стратегия власти в политическом дискурсе

Александр Борисович Алексеев

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
Москва, Россия

neuausstatten@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2740-4649>

Аннотация

Статья посвящена изучению политической маргинализации, рассматриваемой в качестве манипулятивной коммуникативной стратегии, нацеленной на удержание или завоевание политической власти. Политический дискурс, несмотря на наметившуюся тенденцию к персонализации политического общения, особенно заметной в рамках политейнмента, определяется преимущественно институциональным типом дискурса, в котором важную роль играет диада «агент – клиент». Традиционно считалось, что агенты обладают дискурсивной властью, клиенты – нет. Однако, как показывает предпринятое исследование, провести четкую демаркирующую грань между агентами и клиентами политического дискурса довольно сложно. Дело в том, что, используя стратегию маргинализации, политики могут представлять себя не-политиками (т. е. не-агентами), нетипичными политиками, например политиками-женщинами, политиками, придерживающимися миноритарных политических воззрений, и т. д. При этом описываемая стратегия маргинализации, по всей видимости, не ограничена только политическими формами маргинализации – она может соотноситься с поиском кандидатом способов самоидентификации с маргинальными, ущемленными в правах социальными группами, включая национальные меньшинства и ЛГБТ. Более того, даже те социальные коллективы, которые, по идее, уже давно маргиналами в западных обществах не являются (например, женщины), могут эксплуатироваться политиками-маргиналами, предпочитающими характеризовать их в качестве людей, не имеющих равных возможностей с элитарными, привилегированными представителями общества (например, мужчинами). Таким образом, изучение коммуникативной стратегии маргинализации предполагает обращение к анализу сложной структуры социальных отношений, выявление манипулятивных аспектов маргинализации (в частности, презентация политиком себя в качестве не-политика почти во всех случаях должна быть квалифицирована как манипуляция) и рассмотрение лингвопрагматических аспектов маргинализации.

Ключевые слова

агент, власть, институциональный дискурс, клиент, манипуляция, политический дискурс, стратегия

Для цитирования

Алексеев А. Б. Коммуникативная стратегия маргинализации как манипулятивная стратегия власти в политическом дискурсе // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. Т. 20, № 1. С. 96–111. DOI 10.25205/1818-7935-2022-20-1-96-111

© Алексеев А. Б., 2022

ISSN 1818-7935

Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. Т. 20, № 1. С. 96–111

Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication, 2022, vol. 20, no. 1, pp. 96–111

The Political Marginalization as a Communicative Strategy of Power Domination in Political Discourse

Alexander B. Alexeyev

Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration
Moscow, Russian Federation

neuausstatten@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2740-4649>

Abstract

The article is dedicated to the study of political marginalization viewed as a communicative strategy, aimed at retention or attainment of political power. Political discourse, despite the perceptible tendency towards personalization of the political communication particularly noticeable in politainment, is defined as a predominantly institutional type of discourse in which the dyad 'agent – client' plays an important role. From the traditional standpoint of view, it is believed that agents have discursive power while clients have none. However, as the undertaken research shows, it is quite difficult to draw a distinct line between agents and clients in political discourse. The point is that using the strategy of marginalization, politicians can present themselves as non-politicians (i.e. non-agents), untypical (atypical) politicians, for example women politicians, politicians holding on to minority political views, etc. At the same time, the strategy in question is most likely unrestricted by political forms of marginalization in the sense that it can correspond to the politician's search for self-identification with marginal social groups whose rights are infringed upon, including national minorities and LGBT. Furthermore, even those social groups which, in fact, have long ceased to be marginal in the Western world (e.g. women) can be exploited by marginal politicians who prefer to characterize them as people who are not enjoying equal rights with elite, privileged representatives of the society (e.g. men). Thus, the study of marginalization presupposes the analysis of the complex structure of social relationships, unveiling manipulative aspects of marginalization (NB: the politician's self-representation as the non-politician should almost always be considered as an instance of manipulation) and exploration of linguopragmatic aspects of marginalization.

Keywords

agent, power, institutional discourse, client, manipulation, political discourse, strategy

For citation

Alexeyev, A. B. The Political Marginalization as a Communicative Strategy of Power Domination in Political Discourse. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2022, vol. 20, no. 1, pp. 96–111. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7935-2022-20-1-96-111

Введение

Понятие «дискурс» прочно вошло в терминологический аппарат не только лингвистов, но и ученых самых разных гуманитарных направлений. Более того, как свидетельствует польская исследовательница И. Куява, слово «дискурс» активно употребляется и в ненаучных дискуссиях [Kujawa, 2014, S. 15], что делает термин «дискурс» консубстанциональным¹.

В русле социолингвистики дискурс может быть рассмотрен в качестве формы социальной практики [Fairclough, 1989, p. 22], транслируемой прежде всего посредством языка, играющего в дискурсе центральную роль ('Discourse is a human activity with language at the center') [Smith, 2005, p. 9].

М. Фуко, оказавший огромное влияние на становлении теории дискурса, писал следующее: «[д]искурсы – это не просто группы знаков... а практики, систематически формирующие

¹ Консубстанциональные термины имеют как терминологическое, так и нетерминологическое (бытовое) значение [Соколова, 2016, с. 16]. В строгом смысле слова консубстанциональным термин «дискурс» является только в западном мире, где употребление лексем *discourse*, *Diskurs*, *discours* и т. д. широко распространено в самых разных коммуникативных средах, в том числе бытовой, ведь в английском, например, основное значение единицы 'discourse' – речь, разговор. Тем не менее и в русском языке слово «дискурс» из научных дискуссий постепенно проникает в выступления политиков и / или репортажи журналистов.

объекты, о которых они ведут речь. Конечно, дискурсы состоят из знаков, но они делают нечто большее, чем просто используют эти знаки для обозначения вещей. Именно это нечто большее не позволяет свести дискурс к языку и речи» [Foucault, 1972, p. 49].

Важно подчеркнуть, что в приведенной цитате ученый трактует язык в его узком понимании как знаковую систему, используемую для общения, но если подойти к языку более глобально, если определить его философски как форму жизни (Л. Витгенштейн), дом бытия (М. Хайдеггер), то становится очевидным, что именно за языковой реальностью скрываются социокультурные данности, определяющие способы взаимодействия людей друг с другом [Равочкин, 2020, с. 49], которые, по существу, представляют собой языковые игры (нем. Sprachspiele, англ. language games) в их широкой, витгенштейновской концептуализации.

Персональный vs институциональный дискурс

Анализ понятий «дискурс» и «политический дискурс» невозможен без обращения к социолингвистической оппозиции «персональный – институциональный», являющейся базовой для разграничения и классификации различных типов дискурса.

В персональном, или личностно-ориентированном, дискурсе говорящий раскрывает все свои личностные характеристики. Согласно концепции, разработанной отечественными учеными, персональный дискурс принимает формы бытийного или бытового дискурсов. В первом случае – коммуникация диалогична, «пунктирна», влечет за собой сокращение социальной дистанции между адресантом и адресатом, постоянно меняющимися ролями, а невербальные аспекты общения приобретают особую значимость. Во втором – коммуникация разворачивается главным образом в монологе, насыщена психологическими, философскими, эстетическими смыслами и реализуется в литературных произведениях [Кравченко, 2020, с. 80].

Институциональный дискурс – это тип дискурса, формирующийся в условиях статусно-ориентированного взаимодействия людей, выступающих в качестве представителей социальных институтов, а не индивидов. Институциональное общение отражает специфику работы тех или иных общественных учреждений (судов, школ, СМИ, различных политических организаций) и часто ставит своей целью трансляцию дискурсивной власти, проявляющейся в утверждении определенных нормативных установок, а шире – в распространении особого институционального мировидения, мировосприятия [Там же].

В связи с этим институциональная коммуникация в известной степени предсказуема, ибо в ее основу закладываются типизированные повторяющиеся действия. Социальный институт строго регламентирует (языковые) нормы² и задает участникам общения набор ролей, которые конституируют идентичность человека, несомненно, сохраняющего свою индивидуальность, но часто жертвующего ею дабы соответствовать институциональным ожиданиям [Бейлисон, 2009, с. 142].

Имеет смысл различать базовые (власть, семья, собственность) и подвижные виды социальных институтов, т. е. те, которые, не будучи основными, в исторической динамике развития легко изменяются или вовсе уходят в прошлое (например, институт приказов, существовавший в Русском царстве несколько веков, был преобразован Петром I в коллегии, а введенные в 1864 г. земства были упразднены большевиками в 1918–1919 гг.). В современной науке институциональными признаются политический, дипломатический, военный, юридический, религиозный, спортивный, рекламный и др. дискурсы [Кравченко, 2020, с. 81].

Высказывается мнение, что центральной фигурой персонального дискурса является личность, а институционального – профессионал [Попова, 2016, с. 170]. Институциональное общение в этой перспективе всегда официальное, персональное – неофициальное, чаще всего

² Это соотносится с регулирующей функцией институционального дискурса.

бытовое, могущее проникать в самые различные речевые жанры. Например, в политических интервью оно преломляется в таких фреймах, как «семья», «увлечения», «родители», «учеба», «детство», «юность». Политические интервью нельзя отнести только к институциональному типу общения – они принадлежат одновременно к институциональному и персональному дискурсам³ [Попова, 2016, с. 170]. Исходя из этого осмелимся предположить, что традиционная в дискурсивной лингвистике бинарная оппозиция «персональный – институциональный» не всегда может точно отразить специфику коммуникации, поскольку она неизбежно упрощает дискурсивные практики, сводит их лишь к одному – персональному или институциональному – полюсу.

О. А. Крапивкина отмечает, что даже такой, казалось бы, прототипичный институциональный дискурс, как юридический дискурс, неправильно характеризовать исключительно в терминах институциональности. Напротив, в юридическом дискурсе предлагается различать «Я-субъект» и «институциональный субъект». Я-субъект манифестируется в дискурсивном пространстве эксплицитно, тогда как институциональный субъект скрывается за безличными конструкциями, строго следует конвенциям и правилам, определенным дискурсивным сообществом, стремится к объективности, пусть иногда и мнимой [Крапивкина, 2015].

Не случайно М. Г. Цуциева, посвящая свое докторское исследование языковой личности политика, подчеркивает «синкретическую природу структуры и функций» изучаемого явления [Цуциева, 2019, с. 8]. Автор полагает, что языковая личность политика – это одновременно и субъект институционального дискурса, и уникальная языковая личность, которая склонна создавать внутри институционального политического дискурса идиодискурс – «уникальную системную совокупность высказываний / текстов, соответствующую собственной концептуально-ценностной базе...» [Там же].

В общем и целом персональный аспект общения имеет принципиальную значимость во многих институциональных дискурсах. Педагогический дискурс, например, как верно замечает Ю. В. Щербинина, отличается обозначенной амбивалентностью: с одной стороны, ему присущи ритуализация речевого поведения, ролевая маркированность и прочие признаки институциональной коммуникации, но с другой, успешная педагогическая деятельность немыслима без личного, неформального контакта учителя с учеником [Щербинина, 2009, с. 163].

Конечно, модальности сочетания или перекрещивания двух дискурсов трудно нормировать. Так, Л. С. Бейлисон указывает, что в медицинском дискурсе, если его рассматривать как институциональный, «пациент может пожаловаться врачу на недомогание, но не на скуку» [2009, с. 143]. С данным утверждением можно согласиться лишь отчасти: говорить на приеме у врача (если только это не психотерапевт) о своих внутренних переживаниях, конечно, непринято, но вполне вообразима ситуация, когда пациент, отвечая на вопросы лечащего врача, раскрывает ему преднамеренно или «мимоходом» подробности своей жизни, которые, по его мнению, могут быть связаны с его соматическим состоянием, тем более что на самом деле скука и физическое недомогание могут быть взаимосвязаны. А если это так, то врач и сам может быть заинтересован в том, чтобы узнать особенности образа жизни своего пациента, определить его внутреннее, эмоциональное состояние, ведь постулат о том, что эмоции обладают витальной силой, действителен не только для антропоцентрической лингвистики, обращающейся к изучению эмоций, но и для медицины.

Исходя из сказанного любой дискурс следовало бы представлять как континуум (шкалу), расположенный между полюсами персональности и институциональности. Предположительно, юридический или судебный дискурсы находятся ближе к институциональному полюсу, чем, допустим, политический дискурс, в условиях трансформации политики в политейнмент, характеризующийся своими особенностями и стратегиями [Боголюбов, 2020,

³ Эта точка зрения интересна, но ее нельзя считать ортодоксальной в лингвистике, традиционно рассматривавшей политический дискурс в качестве институционального дискурса.

с. 137; Шмелева, 2020, с. 80], медленно, но однозначно смещающийся, особенно в интернет-коммуникации с ее новыми специфическими жанрами, в сторону персонального общения⁴, всё еще оставаясь при этом преимущественно институциональным дискурсом.

Агент vs клиент дискурса с точки зрения кратологической теории

Если для описания дискурса ученые используют термины «персональный» и «институциональный», то для анализа институционального дискурса не менее важны понятия «агент» и «клиент».

Агенты – это люди, представляющие тот или иной социальный институт, работающие в нем, как правило, наделенные определенной степенью *власти* (фр. *le pouvoir* в фукианской интерпретации этого термина, см. далее), которую французская социология связывает не только с понятиями «социальный статус», «авторитет», «роль», но и – в первую очередь – «знания» (фр. *savoirs*). Также для анализа власти – кратологического анализа – в рамках социолингвистики или межкультурной коммуникации могут быть полезны термины П. Бурдьё *культурный* и *символический капитал*, поскольку само владение языком, его различными аспектами с целью профессионального использования – в политике, религии, журналистике, научной и переводческой деятельности – может уже трактоваться в качестве обладания (символической) властью (см. [Соломоновская, 2018, с. 63]).

Тот факт, что концепт *ВЛАСТЬ* регулярно попадает в фокус внимания ученых-лингвистов, вполне закономерен (см. [Касаткина, 2012; Соколова, 2016]). Еще Б. Рассел, проводя очень точную параллель между властью и энергией, утверждал, что «[ф]ундаментальный концепт социальной науки – Власть, равно как Энергия – фундаментальный концепт физики» (цит. по: [Locher, 2004, p. 1]). Вместе с тем дать какую-либо четкую дефиницию консубстанциональному, междисциплинарному термину «власть» довольно сложно. Американский политолог Дж. Най, разработавший влиятельную теорию мягкой силы (англ. *soft power*), был прав, когда проводил свои метафорические аналогии: «[в]ласть как погода. Существование каждого зависит от нее, но мало кто понимает, что она есть... Власть как любовь: легче испытать ее воздействие, чем дать ей определение или измерить ее, но от этого она не менее реальна» [Nye, 2004, p. 1].

Одним из первых, кто подверг критическому осмыслению понятие «власть», трактовавшееся до него в социальных науках исключительно узко, приравнивавшееся к политической власти, был М. Фуко. Заслуга французского ученого заключается в том, что он смог разглядеть властные отношения там, где их никто не замечал, а именно в дискурсе, таких его типах, как педагогический, судебный, медицинский⁵, тюремный (книга «Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы»). В фукианской концепции любой институциональный дискурс «может быть и инструментом власти, и ее результатом, но также препятствием власти, на которое она натывается, начальным этапом... противостояния ей» [Foucault, 1978, p. 101]. Действительно, официальному, гегемонистскому по своим установкам, дискурсу всегда противопоставят *альтернативные дискурсы* [Стяжкина, 2013], или *дискурсы-контргегемоны* (англ. *counterhegemony*) [Torfing, 2005, p. 7], опосредующие любую форму протеста [Gilyard, 2011, p. 10], подчеркивающие в рамках ‘cancel culture’ инструментальную природу дискурса, который можно определить социальным действием, или, точнее, специфической формой языка,

⁴ Вместе с тем, по нашему мнению, точно определить расположение дискурса на шкале «персональный – институциональный» можно только при анализе конкретного дискурса. Поэтому в данном контексте имело бы смысл вести речь не о политическом дискурсе вообще, а, допустим, о политическом дискурсе той или иной президентской кампании.

⁵ А точнее, психиатрический (книги «История безумия в классическую эпоху», «Рождение клиники», «Психиатрическая власть» и др.).

непосредственно связанной с (прямым) социальным действием [Водак, 1997, с. 10]. К примеру, у оппозиционного движения «желтых жилетов» во Франции основной «дискурс» – желтый жилет. Таким образом, *речевые способы сопротивления* совмещаются с неречевыми [Копнина, 2020, с. 248].

Традиционно считалось, что клиенты институционального дискурса, т. е. люди, обращающиеся в социальный институт (избиратели, ученики, прихожане, пациенты и т. д.), лишены власти. Действительно, во многих случаях им отказывают даже в праве голоса⁶. Клиенты не в состоянии свободно выразить свою точку зрения не только в связи с тем, что доступ к дискурсу тщательно контролируется, и любой человек, претендующий публично высказаться, должен пройти возрастной, статусный, социальный, профессиональный, языковой и т. д. ценз, но и в силу отсутствия у них необходимых знаний, красноречия, коммуникативного опыта и компетенций. И всё же было бы научным редукционизмом считать, что бинарная оппозиция «агент – клиент» совпадает с дискурсивной диадой «во власти – до власти»⁷. Реальная коммуникация намного сложнее, чем это кажется на первый взгляд, и четко разграничить агентов / клиентов по степени их обладания властью в институциональном дискурсе не представляется возможным. Можно согласиться с французским философом Ж.-Ф. Лиотаром, утверждавшим, что «даже самый обездоленный никогда не бывает лишен власти над сообщениями, которые через него проходят и его позиционируют...» [1998, с. 45].

Сложность определения степени власти, которой наделены индивиды, заключается главным образом в том, что в ряде дискурсов агенты / клиенты стремятся изменить существующий баланс власти (в широком смысле данного понятия), используя *стратегии власти*⁸. То, что это так, подтверждается мыслью В. И. Карасика, отмечающего, что невежливость, употребленная в отношении лица, наделенного высокой степенью власти (например, начальника), со стороны нижестоящего человека, не всегда является хамством, но иногда выступает в роли вызова, неприятия его социального («начальственного») статуса [2002, с. 82]. Впрочем, в этом случае можно также сказать, что мы имеем дело с формой (языковой) игры во власть. Рассмотрим далее одну из ее разновидностей в политическом дискурсе – маргинализацию.

Политическая стратегия маргинализации

Политический дискурс традиционно определяется учеными в качестве общения, строящегося вокруг борьбы за власть, хотя, как правило, в данном контексте речь идет об узкой трактовке власти, что не совсем верно: кандидаты не только соревнуются между собой за обладание политической властью, но и часто подвергают сомнению устоявшиеся социальные иерархии, в политике активно нарушая как языковые, так и социокультурные нормы. Помимо рассмотрения *невежливости* в качестве стратегии власти, *средства политической диверсии* (англ. a vehicle of political subversion) [McEneaney, 2009, p. 124], а также обращения к таким темам, как «политический миф»⁹, «политический алармизм», «моральная паника»¹⁰, «языковая игра»¹¹ и т. д., исследователям, работающим в рамках критической и политиче-

⁶ Не путать с понятием «голос избирателя», которое хоть и создает иллюзию наличия власти у клиента политического дискурса, на самом деле никак не связано с возможностью публично высказать свою точку зрения.

⁷ Термины М. Г. Цуцовой [2019, с. 8].

⁸ Термин Р. Ратмайр [2013, с. 257].

⁹ Политика – это война мифов [Эрлих, 2016].

¹⁰ Об алармизме и моральной панике см. [Храброва, 2020].

¹¹ Ученые различают значения термина «языковая игра» в его широком понимании (англ. language game) и более узкой, лингвистической интерпретации (англ. language play) [Боголюбов, 2020, с. 138]. С точки зрения изучения власти в дискурсе интерес представляет именно рассмотрение языковой игры в качестве *language game*.

ской лингвистики, может быть интересна *стратегия маргинализации*¹², насколько нам известно, в филологической науке почти неосвещенная, вопреки тому, что интерес к маргиналам и всему маргинальному неизменно растет и у литературоведов (см. [Трубецкова, 2021, с. 186]), и у лингвистов¹³ (см. [Киосе, 2020]).

Понятие «маргинализация» в определенном смысле пересекается с другими, более конвенциональными терминами – «дискредитация», «делегитимизация», «аннигиляция», но вместе с тем принципиально отличается от них, будучи преимущественно направленной говорящим не на политического противника, а на себя самого, являясь, скорее, формой самопрезентации или (само)легитимизации, осуществляемой в том числе, как будет показано далее, через *тактику апелляции к авторитету* [Каменева, Потапова, 2021]. Только авторитетами в рамках маргинализации выступают специфические группы населения, с традиционной точки зрения лишённые обладания какой-либо степенью власти или престижа, – не-политики, женщины, меньшинства и т. д. Соответственно, маргинализация – это также попытка, пусть и не всегда искренняя, изменить устоявшиеся правила «игры», нормы, постмодернистская форма революционизма¹⁴, порой отмеченная девиантным поведением, соотносящаяся прежде всего с борьбой за внимание (нем. *Aufmerksamkeitskampf*) [Janich, 2012, S. 6], за *publicité* (рус. публичность, огласка), в том числе негативную, по принципу «главное – выйти из толпы», «выделиться из серой массы политиков».

Маргинализацию неправильно было бы рассматривать, на наш взгляд, исключительно в качестве политической стратегии. По существу, она представляет собой *коммуникативную стратегию*, суть которой заключается в сознательном представлении политиком себя не-агентом (не-политиком) или как минимум нетипичным агентом политического дискурса, а в несколько ином, более узком понимании, намеренной самоидентификации с различными маргинальными группами населения¹⁵. Как справедливо заметил А. Ю. Ашкерев, политическим «маргиналом» может стать не только оппозиционер, но и член мажоритарной, правящей партии, например, показательно выйдя из нее, (временно) разорвав отношения с ней [Кто сегодня делает философию в России, 2007, с. 19]. В этом свете в нашей стране «маргиналами» были многие политики времен перестройки, а также те, кто, побывав в высших эшелонах политической власти, занялся оппозиционной деятельностью.

Эффективность маргинализации определяется различными факторами, и этой теме, наверно, можно было бы посвятить отдельное исследование. Здесь ограничимся лишь упоминанием того обстоятельства, что в современном мире отношение к политикам, как правило, варьируется от полного равнодушия (по принципу: «какое мне дело?») до резкой неприязни.

¹² Термин заимствован нами у российского философа и политолога А. Ю. Ашкерова (см. [Кто сегодня делает философию в России, 2007, с. 19]).

¹³ Предпринималась даже попытка обоснования маргинальной лингвистики, которая, по имеющимся у нас сведениям, не завершилась успехом. Вместе с тем актуальность исследований маргинальных явлений в литературе и языке несомненна.

¹⁴ Как верно пишет немецкий журналист, «[в современную эпоху] силовой захват цитаделей государственной власти более не является необходимым условием революционного переворота... Вместо того, чтобы оккупировать здания правительства, захватывают понятия, которые определяют государственный порядок, наши права и обязанности...» [Shrouf, 2006, S. 26].

¹⁵ При этом не существует единой точки зрения, кого относить к маргиналам. Например, А. Ф. Боголюбов считает, что люди, придерживающиеся либеральных политических воззрений, за редчайшим исключением могут быть определены «маргиналами всех мастей» [Боголюбов, 2020, с. 136]. С этим, наверно, можно согласиться, если принять во внимание консервативные тенденции и российской, и мировой политики. Однако речь здесь снова идет не о социальной, а политической маргинализации. Говоря же о маргиналах в обществе, мы склонны разделять точку зрения А. Ф. Фелелова, что в качестве меньшинств можно признать следующие группы населения: инвалидов, ЛГБТ, 'queer', различные национальные и этнические меньшинства (например, индейцев в США) [Фелелов, 2014, с. 41]. С другой стороны, к меньшинствам регулярно причисляют и другие группы населения, которые ни меньшинствами, ни – в своем большинстве – ущемленными в правах не являются. Действительно, доминирующий кое-где принцип инклюзивности с символической реабилитацией маргинальных групп, может сильно влиять на сами понятия «маргинал» и «маргинализация». Но это тема другой статьи.

В обществе распространяются достаточно вредные, опасные стереотипы, как «Политика – грязное дело», «Все воруют», «Выборы фальсифицируются» и т. п.¹⁶ В результате люди, борющиеся за высокий государственный пост, часто *вынуждены* говорить о том, что они не политики, никогда политикой не занимались и т. д. Причем эта тенденция наблюдается как в русскоязычном, так и в англоязычном дискурсе. Приведем несколько примеров:

ЗЕЛЕНСКИЙ: У меня есть юридическое образование – и это плюс. Но у меня нет опыта работы в политике, и это – жирный плюс (https://www.youtube.com/watch?v=RD2Wf9itjIw&ab_channel=%D0%92%D0%B5%D1%87%D0%B5%D1%80%D0%BD%D0%B8%D0%B9%D0%AE%D0%BC%D0%BE%D1%80).

ЗЕЛЕНСКИЙ: Дальше вопрос: *можно ли стать президентом и не воровать? Вопрос риторический.* Пока никто не пробовал [аплодисменты]. Есть другой вопрос: *можно ли воровать, но так, чтобы никто не заметил? Все пробовали, ни у кого не получилось* (Там же).

CARSON: Well, you know, *there's a false narrative that only the political class has the wisdom and the ability to be commander-in-chief.* But if you go back and you study the design of our country, it was really designed for the citizen statesman (<https://www.youtube.com/watch?v=YHYk0K7iszo>).

CARSON: *Typically politicians* do things that are *politically expedient* and they are looking for whatever their particular goal is. *This is not the reason that I have gotten into this thing.* I am extraordinarily concerned about the direction of this country, the divisiveness that is going on (<https://www.youtube.com/watch?v=Dkom8nLdqpU>).

TRUMP: I said: 'Didn't you do a horrible ad at me 2 weeks ago?.. how do you pivot from that to saying you think I'm a wonderful person?' He said: 'No problem, sir!' you know why? *Politicians, they can do that. I have a hard time doing it, they can do it* (<https://www.youtube.com/watch?v=RxzraR2R31g>).

Все цитируемые высказывания так или иначе эксплуатируют негативное, стереотипное видение политиков, политики и политических институтов. Дискредитируя или, точнее, делигитимизируя политиков как социально-профессиональную группу, кандидаты используют различные лингвостилистические средства: риторические вопросы, вопросно-ответную форму подачи информации, эффект обманутого ожидания («Но у меня нет опыта работы в политике, и это – жирный плюс»), антитезу и т. д.

Однако было бы неправильно рассматривать анализируемые фрагменты политического дискурса только в связи с коммуникативной стратегией дискредитации / делигитимизации. Осуждая своих коллег-политиков, делая особый акцент, что, в отличие от них, новые претенденты на государственный пост никогда не были причастны миру большой политики, говорящие фактически проводят мысль, что они не политики, а *простые граждане* (англ. citizens¹⁷), *простые люди* (англ. plain folks), стремящиеся, тем не менее, изменить коррумпированную политическую систему (если воспользоваться призывом-метафорой Д. Трампа 'drain the swamp' – осушить болото). Причем в качестве авторитетов для таких политических деятелей в первую очередь выступают не их коллеги, не президент или иные высокопоставленные государственные лица, а народ, избиратель. Отречься от политиков, в том числе однопартийцев, для «маргинала» – важная лингвопрагматическая задача:

¹⁶ Как любые стереотипы, приведенные клише имеют долю правды, хотя, конечно, не являются истиной в последней инстанции: они отражают лишь одну – негативную – сторону политики и всего политического, до сих пор шаблонно трактуемого в качестве «грязного дела». Проблема заключается в том, что, принимая данные стереотипы, человек, как правило, отстраняется от политики, не участвует в выборах, что, излишне говорить, неправильно и даже опасно для общества: ведь именно в результате всеобщей аполитичности, равнодушия, нежелания голосовать на «сфальсифицированных выборах» к власти приходят отнюдь не лучшие, не самые честные люди. Тем самым образуется замкнутый круг: чем меньше граждане интересуются политикой, тем справедливее звучат оценочные стереотипы-клише, тем сильнее желание уйти, «зашориться» от политики, отказавшись принимать в ней участие даже в роли избирателя, не говоря уже о таких ролях, как наблюдатель на выборах. А ведь именно наблюдатели способны – в какой-то степени – предотвратить фальсификации голосов, если таковые и имеются.

¹⁷ Ср. с выражением 'citizen statesman', использованным Б. Карсоном.

CARSON: *Not we the Democrats, not we the Republicans but we the people of America*¹⁸ because there is something special about this nation (<https://www.youtube.com/watch?v=gLUxXiaP6LQ>).

CARSON: *Stop being loyal to a party or to a man* and use your brain to think for yourself (<https://www.youtube.com/watch?v=ulsA8aFOkRs>).

Маргинализация подобного рода – с акцентом, с одной стороны, на близость к народу, а с другой стороны, на дистанцию между собой и политиками – встречается и в немецко-язычном политическом дискурсе:

WEIDEL: *Wir sind in der Politik gegangen aus der Mitte der Gesellschaft, aus der Arbeitnehmerpositionen, wir sind keine Berufspolitiker. Warum? Weil uns die Hutschnur irgendwann gerissen ist und darum gibt es auch AfD...* (<https://www.youtube.com/watch?v=4luVIvFR-eg>).

Немецкие оппозиционеры иногда подчеркивают, что они в политике временные люди: как только ситуация в стране изменится к лучшему, и «коррупционеры» и «преступники» будут привлечены к уголовной ответственности, они вернутся к нормальной, неполитической жизни:

BAUM: Sie, Frau Merkel und Co., Sie werden die Verantwortung dafür übernehmen müssen, was Sie unserem Volk angetan haben. *Und ich habe mir vorgenommen solange bei Politik dabei bleiben bis Sie Frau Doktor Merkel vor Gericht stehen. Und ich bin ganz sicher: dieser Tag ist nicht mehr weit* (https://www.youtube.com/watch?v=SiD5wVELE1o&ab_channel=Dr.ChristinaBaumAfD).

В этой связи неслучайно, что политики – будем называть людей, борющихся за высокие государственные должности, все-таки политиками, несмотря на то, что в рамках стратегии маргинализации сами они отказываются идентифицировать себя в этом качестве – открыто говорят о своем аполитическом статусе, почти всегда применяя манипуляции, пользуясь тем, что у слов «политика», «политик», нет однозначного толкования¹⁹:

TRUMP: I've actually been in politics all my life, although I've been on that side as opposed to this side. *I'm now a politician for about three months* (<https://www.youtube.com/watch?v=Dkom8nLdqpU>).

Ср.: TRUMP: Do you believe I'm in public life – can you believe this? *Am I a politician? I hope not. Because I understand that our country is in bad shape and needs to be turned around fast* (Full Speech: Donald Trump HUUGE Rally in Loveland, Colorado 03.10.16. Trump Loveland Speech HD, электронный ресурс).

С одной стороны, Д. Трамп утверждает, что он был всю жизнь в политике («по ту сторону политики»), а с другой – заявляет, что он всего три месяца как занимается политикой. Адресат, таким образом, может воспринять республиканца и в качестве опытного политического деятеля, и в качестве не-политика, т. е. человека из народа.

Тема «человек из народа» постоянно актуализировалась предвыборной кампанией Д. Трампа. Глава избирательного штаба бизнесмена К. Конуэй подчеркивала неприятие политики лидером Республиканской партии США и указывала на основании этого на его родство с избирателем – «сторонником перемен, аутсайдером, не-политиком», – которого уже тошнит от политики, «пустых обещаний», «никуда не годных результатов»:

KELLYANNE CONWAY: So if you consider yourself a *change-maker, an outsider, a non-politician*²⁰, if you are sick of empty promises and lousy results... (<https://www.youtube.com/watch?v=Dj1LOTNNHTg>).

Д. Трамп называл себя даже аутсайдером:

TRUMP: The system wasn't meant for me as an **outsider** who built a great company (<https://www.youtube.com/watch?v=WdkwXsUBhoQ>).

¹⁸ Здесь наблюдаем также косвенное цитирование преамбулы Американской конституции, начинающейся, как известно, со слов 'We, the people...'

¹⁹ В определенном смысле рассматриваемые слова – фантомные. А сам отказ признавать себя политиком – это тоже разновидность политической манипуляции. Ср. понятие «мальчик» в «Двенадцати стульях» Ильфа и Петрова.

²⁰ Выделенные слова – контекстуальные синонимы.

Самоидентификация «аутсайдер» была характерна и для ряда других политиков, например К. Кристи и Х. Клинтон:

CHRISTIE: As far as being an *outsider* is concerned, as far as being that kind of concern, let me tell this, Jake, I am Republican in New Jersey. I wake up every morning with the democratic legislature who is trying to beat my head in... (<https://www.youtube.com/watch?v=Dkom8nLdqpU>).

CLINTON: I can't imagine anyone being more of an *outsider* than *the first woman President*. I mean really, let us think about this now (<https://www.youtube.com/watch?v=sXH0zFhCdCU>).

Ср.: CLINTON: Well, look, I've got to just jump in here because, honestly, Senator Sanders is the only person who I think would characterize me, *a woman running to be the first woman president*, as exemplifying the establishment (<https://www.nytimes.com/2016/02/05/us/politics/transcript-of-the-democratic-presidential-debate.html>).

Х. Клинтон называла себя *неестественным* политиком, не похожим на своих предшественников:

CLINTON: *I am not a natural politician*, in case you haven't noticed, like my husband or President Obama (<https://www.youtube.com/watch?v=OqgTFA1HnUM>).

Важно осознавать: имидж «аутсайдер», прагматически создаваемый в дискурсе, был не объективной, а скорее *фикциональной* (fictional) категорией²¹ – ни миллиардер Д. Трамп, ни губернатор К. Кристи, ни другие республиканцы, а тем более демократ Х. Клинтон, конечно, аутсайдерами – даже в чисто политическом смысле – не были. При этом фикциональность выступает важным, системообразующим элементом различных дискурсов, поскольку она является «неотъемлемой частью современной информационной и политической культуры», соотносящейся «с медийными феноменами политейнмента и инфотейнмента, приобретающими всё большую популярность у журналистов и политтехнологов» [Стырина, Мартыросян, 2021, с. 95].

Поскольку отнюдь не каждый политик может утверждать, что является не-политиком – президенту, госсекретарю, губернатору, сенатору и т. д. обосновать такую позицию (даже при использовании манипуляции) достаточно сложно, – применяют и формулу маргинализации, которую условно и несколько упрощенно можно представить в виде модели «Я нетипичный политик». Приведем пример:

PAUL: *I'm a different kind of Republican*. I've introduced a five-year balanced budget. I've introduced the largest tax cut in our history. I stood for ten and a half hours on the Senate floor to defend your right to be left alone. (APPLAUSE) But I've also gone to Chicago. I've gone to Detroit. I've been to Ferguson, I've been to Baltimore, because I want our party to be bigger, better and bolder, and I'm the only one that leads Hillary Clinton in five states that were won by President Obama. *I'm a different kind of Republican* (<https://www.youtube.com/watch?v=2rU4W3yfd58>).

В данном случае сенатор Р. Пол провозглашает себя особым республиканцем (a different kind of Republican): используя прием симплоки, он выносит основную идею в сильную позицию реплики – ее начало и конец.

Кандидату легче всего представить себя нетипичным политиком либо с помощью гендерной манипуляции (по модели «Я политик-женщина»²²), либо выступив с действительно мар-

²¹ Термин 'fictional insider-outsiders', используемый американским ученым К. Гилярдом, вполне уместен в данном контексте [Gilyard, 2011, p. 144].

²² Мнение, что женщины – это маргинализованная половина человечества, всё еще продвигаемое феминистками, – для Запада, и России в том числе, едва ли может быть признано справедливым. Несмотря на то, что гендерная дискриминация (осуществляемая отнюдь не только в отношении женщин!), сексуальные домогательства и т. д., к сожалению, не канули в прошлое, есть свидетельства, что женщины получают высшее образование чаще, чем мужчины [Stoet, Geary, 2020]. Женщины нередко занимают высокие должности, живут значительно дольше мужчин (в России, Белоруссии, Литве более чем на 10 лет!), пользуются различными привилегиями (например, женщины, как правило, уходят на пенсию раньше, чем мужчины). Сказанное не означает, что женщины – это теперь элитарная группа, но, наш взгляд, гендерное равенство / неравенство неправильно изучать только с позиции ущемления прав женщин.

гинальной политической платформой. Оба способа маргинализации были опробованы в ходе президентской кампании 2015–2016 гг. в США: политиком-женщиной выступала Х. Клинтон²³, но ее основной противник в борьбе за номинацию одной из главных политических партий США – Демократической партии – Б. Сандерс, постоянно критикуя капитализм, называя себя *социалистом*, отмечал: его кампанию, в отличие от кампании Х. Клинтон, поддерживает не политический мейнстрим, не политический истеблишмент, а *люди*:

SANDERS: ...Secretary Clinton has the support of far more governors, mayors, members of the House. She has the entire establishment or almost the entire establishment behind her. But *I am pretty proud that we have over a million people who have contributed to our campaign averaging 27 bucks apiece*... That our campaign is a campaign of the people, by the people, and for the people²⁴ (<https://www.nytimes.com/2016/02/05/us/politics/transcript-of-the-democratic-presidential-debate.html>).

Левый политик провозгласил *революцию*, которая должна была, по его замыслу, протекать «снизу», вовлекая в орбиту борьбы *простых американцев*:

SANDERS: Election days come and go. But political and social revolutions that attempt to transform our society never end. They continue *every day, every week and every month*²⁵ in the fight to create a nation of social and economic justice. And that's what this campaign has been about over the past year. *That's what the political revolution is about and that's why the political revolution must continue into the future* (<http://time.com/4372673/bernie-sanders-speech-text-read-transcript/>).

Разумеется, как уже было показано, Х. Клинтон не соглашалась с Б. Сандерсом, характеризовавшим ее типичной представительницей политического истеблишмента. Напротив, поскольку она женщина, экс-госсекретарь именovala себя аутсайдером, что, по всей видимости, было прагматическим просчетом – как бы экс-госсекретарь ни старалась, она воспринималась большинством американцев системным кандидатом.

Заключение

Политический дискурс, несмотря на наметившуюся тенденцию к персонализации политического общения, остается еще преимущественно институциональным дискурсом. В политической коммуникации актуализируется важнейшая институциональная оппозиция «агент – клиент», принимающая форму «политик – избиратель». Причем политики в рамках стратегии маргинализации стремятся часто преднамеренно нивелировать свое отличие от целевой аудитории, смело самоидентифицируясь с ней, представляя себя либо не-политиками, либо нетипичными политиками, либо сторонниками перемен (англ. *change-makers*), революционерами (социалистами, правда, пока еще не советскими, китайскими или кубинскими), людьми, творящими историю (например, первыми политиками-женщинами, борющимися за пост президента). Они часто используют манипуляцию, обращаются к стереотипному видению как политиков, так и определенных социальных групп, которые с объективной точки зрения могут быть отнюдь не маргинальными, не ущемленными в своих правах. Сама стратегия тоже вполне вписывается в понятие «политическая манипуляция», она строится на допущении, что многим будет трудно разобраться в том, что такое маргинал (аутсайдер) и маргинализация.

Изучение политической стратегии маргинализации как коммуникативной стратегии – с позиции лингвопрагматического эффекта, который она оказывает на избирателя, характера

²³ Х. Клинтон делала особый акцент на своем гендере – если использовать выражение Д. Трампа, разыгрывала карту женщины (played the woman card).

²⁴ Цитирование 16-го президента США А. Линкольна, выступающего здесь в качестве морального авторитета. В то время как А. Линкольн был, конечно, политиком, сами цитируемые слова делают акцент на близости говорящего к народу и народному президенту, одному из самых известных за всю историю США, отменившему в стране рабство.

²⁵ Градация.

использования языка политиками-маргиналами, мифических, фикциональных элементов, вносимых в дискурс, и дискурсивного конструирования нередко мнимого равенства / неравенства различных слоев населения, – на наш взгляд, несомненно актуально, тем более что работ, посвященных данной теме, насколько нам известно, в политической лингвистике почти нет.

Дальнейшим шагом изучения маргинализации как манипулятивной стратегии власти может быть рассмотрение ее в более узкой, чисто маргинальной трактовке – как намеренной самоидентификации политиками с наиболее уязвимыми, слабыми социальными группами, например национальными меньшинствами (мигрантами) или ЛГБТ²⁶, хотя, конечно, в таком понимании рассматриваемая стратегия становится еще более рискованной и противоречивой – она может вызывать недовольство и протест не только со стороны мажоритарных политиков, представителей основных политических институтов, но и значительной части общества в целом.

Список литературы

- Бейлисон Л. С. Функции институционального дискурса // Вестник ИГЛУ. 2009. Вып. 3. С. 142–147.
- Боголюбов А. Ф. Bring Us Deliverance, Spy! (прочтение Марша шпионов Киплинга в условиях информационной войны и пандемии) // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. Т. 18, № 2. С. 132–153. DOI 10.25205/1818-7935-2020-18-2-132-153
- Водак Р. Язык. Дискурс. Политика: Пер. с англ. и нем. Волгоград: Перемена, 1997. 139 с.
- Каменева В. А., Потапова Н. В. Тактика апелляции к авторитету, актуализирующая стратегию (де)легитимизации в американском предвыборном дискурсе // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. Т. 19, № 3. С. 84–97. DOI 10.25205/1818-7935-2021-19-3-84-97
- Карасик В. И. Язык социального статуса. М.: Гнозис, 2002. 333 с.
- Касаткина Е. А. Концепт «Власть» в русской лингвокультуре: когнитивный и фразеосемантический аспекты: Дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д, 2012. 222 с.
- Кносе М. И. Лингвистическая креативность маргинальной детской художественной литературы // Германистика 2020: Nove et Nova. 2020. С. 40–41.
- Копнина Г. А. Речевое сопротивление навешиванию политических ярлыков как способ защиты в информационно-психологической войне // Грамота. 2020. Т. 13, вып. 11. С. 248–253.
- Кравченко Т. Ю. Политический дискурс как разновидность институционального дискурса // Герценовские чтения. Иностранные языки. СПб., 2020. С. 79–82.
- Крапивкина О. А. О способах вербализации субъекта в юридическом дискурсе // Вектор науки Тольяттинского гос. ун-та. 2015. № 2-1 (32-1). С. 111–114.
- Кто сегодня делает философию в России: В 2 т. / Под ред. А. С. Нилогова. М.: Поколение, 2007. Т. 1. 576 с.

²⁶ Западные политики с недавнего времени могут открыто заявить о своих симпатиях ЛГБТ – и прямо указать на свою нетрадиционную сексуальность. Такая стратегия уже использовалась, например П. Буттиджихем на президентских выборах в США в 2020 г. Она встречается и в оппозиционном дискурсе ФРГ:

WEIDEL: Ich möchte heute über ein Thema sprechen und ein wenig von mein Program mal abweichen um mit Ihnen zum ersten Mal in diesem Wahlkampf von überhaupt ein Thema zu sprechen, welches eigentlich nicht hingehört. Eine Premiere, so zu sagen. Wie der eine oder andere mitbekommen hat, lebe ich mit einer Frau zusammen. Also in der letzter Zeit weniger aber normalerweise eben schon (Beifall). Ausserdem, ziehen wir gemeinsam 2 Kinder auf. Der eine oder andere hat jetzt schon gemerkt wovon ich rede und den rest erfährt er jetzt von mir: *ich bin homosexuell* (Anrufe: Oh! zögerlicher Beifall) [Wahlkampfabschluss der AfD: Rede von Alice Weidel, электронный ресурс].

- Лиотар Ж.-Ф.** Состояние постмодерна / Пер. с фр. СПб.: Алетейя, 1998. 160 с.
- Попова Т. И.** Интервью с политиком с точки зрения персонального и институционального дискурсов // Медиалингвистика: Сб. материалов I Междунар. науч.-практ. конф. СПб., 2016. С. 170–172.
- Равочкин Н. Н.** Языковые игры в сфере политики и права: аналитические философы vs постмодернисты // Вестник МГПУ. Серия: Философские науки. 2020. № 2 (34). С. 46–53.
- Ратмайр Р.** Русская речь и рынок: традиции и инновации в деловом и повседневном общении. М.: Языки славянской культуры, 2013. 456 с.
- Соколова М. А.** Многозначность в английской политической терминологии (на примере консубстанционального термина *power*): Дис. ... канд. филол. наук. М., 2016. 176 с.
- Соломоновская А. Л.** Переводческие предисловия в славянском и германском мире IX века: традиционные топосы и новые элементы // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. Т. 16, № 1. С. 63–75.
- Стырина Е. В., Мартиросян А. А.** Элементы фикциональности в медиатекстах: столкновение реального и вымышленного // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. Т. 19, № 1. С. 92–105. DOI 10.25205/1818-7935-2021-19-1-92-105
- Стяжкина Л. А.** Конфликт гегемонистского и альтернативного дискурсов (на примере телепроекта «Имя Россия») // Вестник НГУ. Серия: История. Филология. 2013. Т. 12, вып. 6: Журналистика. С. 48–56.
- Трубецкова Е. Г.** Медицинский дискурс и / или морбуальный код: проблемы терминологии современного литературоведения // Изв. Сарат. ун-та. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2021. Т. 21, вып. 2. С. 186–191.
- Фефелов А. Ф.** Расовые и расистские сигналы в детских романах Марка Твена в свете политкорректной правки // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2014. Т. 12, № 2. С. 40–49.
- Храброва Е. С.** Конструирование дискурса алармизма в медиапространстве Великобритании (на материале освещения пандемии COVID-19) // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. № 2 (37). С. 152–161.
- Цуциева М. Г.** Актуализация языковой личности политика в современном немецком политическом дискурсе: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2019. 40 с.
- Шмелева Е. С.** Когнитивные механизмы и прагматический потенциал лингвокреативности (на материале *The Economist*) // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. Т. 18, № 3. С. 78–86. DOI 10.25205/1818-7935-2020-18-3-78-86
- Щербинина Ю. В.** Основные направления гармонизации педагогического дискурса // Преподаватель XXI век. 2009. № 1. С. 162–169.
- Эрлих С. Е.** Война мифов. Память о декабристах на рубеже тысячелетий. СПб.: Нестор-История, 2016. 552 с.
- Fairclough, N.** Language and power. London, Longman Group, 1989, 259 p.
- Foucault, M.** The archeology of knowledge and the discourse on language. New York, Pantheon, 1972, 254 p.
- Foucault, M.** The history of sexuality: an introduction. Hammonsworth, Penguin, 1978, 168 p.
- Gilyard, K.** True to the language game. African American discourse, cultural politics and pedagogics. New York, Routledge, 2011, 320 p.
- Janich, N.** Handbuch Werbekommunikation. Sprachwissenschaftliche und interdisziplinäre Zugänge. Darmstadt, Francke Verlag, 2012, 508 S.
- Kujawa, I.** Der politische Diskurs als Gegenstand der linguistischen Analyse am Beispiel der Integrationsdebatte in Deutschland 2006–2010. Frankfurt am Main, Peter Lang Edition, 2014, 234 S.

- Locher, M.** Power and politeness in action. Disagreements in oral communication. Berlin, Mouton de Gruyter, 2004, 385 p.
- McEnery, T.** Swearing in English. Bad language, purity and power from 1586 to the present. London, Routledge, 2009, 276 p.
- Nye, J.** Soft Power. The means to success in world politics. New York, Public Affairs, 2004, 191 p.
- Shrouf, A.** Sprachwandel als Ausdruck politischen Wandels: am Beispiel des Wortschatzes in Bundestagsdebatten 1949–1998. Frankfurt am Main, Peter Lang, 2006, 349 S.
- Smith, C.** Modes of discourse. The local structure of texts. Cambridge Uni. Press, 2005, 320 p.
- Stoet, G., Geary, D.** Gender differences in the pathways to higher education. *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*, 2020, vol. 117 (25), pp. 14073–14076.
- Torring, J.** Discourse theory: achievements, arguments and challenges. In: Howarth, D., Torring, J. (eds.). *Discourse Theory in European politics. Identity, Policy and Governance*. London, Palgrave Macmillan, 2005, pp. 1–31. DOI 10.1057/9780230523364_1

References

- Beilison, L. S.** The functions of the institutional discourse. *Vestnik IGLU*, 2009, no. 3, pp. 142–147. (in Russ.)
- Bogolyubov, A. F.** Bring Us Deliverance, Spy! (Interpretations of The Spies' March in Time of the Media War and Pandemic). *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2020, vol. 18, no. 2, pp. 132–153. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7935-2020-18-2-132-153
- Erlikh, S. E.** The war of myths. The memory about Decembrists on the millennium frontier. St. Petersburg, Nestor-Istoria, 2016, 552 p. (in Russ.)
- Fairclough, N.** Language and power. London, Longman Group, 1989, 259 p.
- Fefelov, A. F.** Dialectics of race and racism markers in 'The Adventures of Tom Sawyer' and 'The Adventures of Huckleberry Finn'. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2014, vol. 12, no. 2, pp. 40–49. (in Russ.)
- Foucault, M.** The archeology of knowledge and the discourse on language. New York, Pantheon, 1972, 254 p.
- Foucault, M.** The history of sexuality: an introduction. Hammonsworth, Penguin, 1978, 168 p.
- Gilyard, K.** True to the language game. African American discourse, cultural politics and pedagogics. New York, Routledge, 2011, 320 p.
- Janich, N.** Handbuch Werbekommunikation. Sprachwissenschaftliche und interdisziplinäre Zugänge. Darmstadt, Francke Verlag, 2012, 508 S.
- Kameneva, V. A., Potapova, N. V.** Authority-Based Strategy of (De)legitimization in American Electoral Discourse: A Case Study. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2021, vol. 19, no. 3, pp. 84–97. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7935-2021-19-3-84-97
- Karasik, V. I.** The language of social status. Moscow, Gnozis, 2002, 333 p. (in Russ.)
- Kasatkina, E. A.** The concept 'power' in the Russian linguoculture: phraseological and phraseo-semantic aspects. Cand. of Philol. Diss. Rostov on Don, 2012, 222 p. (in Russ.)
- Khrabrova, E. S.** Constructing of alarmist discourse in the UK media (on the basis of COVID-19 pandemic media coverage). *Actual Issues of Modern Philology and Journalism*, 2020, no. 2 (37), pp. 152–161. (in Russ.)
- Kiose, M. I.** Linguistic creativity in discourse: the research perspective of cognitive semiotics. *Germanistika, 2020: Nove et Nova*, 2020, pp. 40–41. (in Russ.)
- Kopnina, G. A.** Verbal resistance to political labeling as a defensive means in information-psychological war. *Gramota*, 2020, vol. 13, iss. 11, pp. 248–253. (in Russ.)

- Krapivkina, O. A.** On the ways of verbalization of the subject in the legal discourse. *Vektor nauki Tolyattinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2015, no. 2-1 (32-1), pp. 111–114. (in Russ.)
- Kravchenko, T. Yu.** Political discourse as a variant of the institutional discourse. In: Herzen's lectures. Foreign languages. St. Petersburg, 2020, pp. 79–82. (in Russ.)
- Kujawa, I.** Der politische Diskurs als Gegenstand der linguistischen Analyse am Beispiel der Integrationsdebatte in Deutschland 2006–2010. Frankfurt am Main, Peter Lang Edition, 2014, 234 S.
- Liotar, J.-F.** The postmodern state. Trans. from French. St. Petersburg, Aleteiya, 1998, 160 p. (in Russ.)
- Locher, M.** Power and politeness in action. Disagreements in oral communication. Berlin, Mouton de Gruyter, 2004, 385 p.
- McEnery, T.** Swearing in English. Bad language, purity and power from 1586 to the present. London, Routledge, 2009, 276 p.
- Nilogov, A. S.** (ed.). Who makes philosophy in Russia. In 2 vols. Moscow, Pokolenie, 2007, vol. 1, 576 p. (in Russ.)
- Nye, J.** Soft Power. The means to success in world politics. New York, Public Affairs, 2004, 191 p.
- Popova, T. I.** The interview with the politician from the standpoint of view of the personal and instructional political discourses. In: *Medialingvistika: Proc. I International Sci. Conf.* St. Petersburg, 2016, pp. 170–172. (in Russ.)
- Ratmair, R.** The Russian speech and the market: traditions and innovations in everyday business communication Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2013, 456 p. (in Russ.)
- Ravochkin, N. N.** Language games in the domain of politics and law: analytic philosophers vs postmodernists. *Vestnik MSPU. Series: Philosophical Sciences*, 2020, no. 2 (34), pp. 46–53. (in Russ.)
- Shherbinina, Yu. V.** The main directions of harmonization of the pedagogical discourse. *Teacher 21st Century*, 2009, no. 1, pp. 162–169. (in Russ.)
- Shmelyova, E. S.** Cognitive Mechanisms and Pragmatic Potential of Linguistic Creativity (As Exemplified in The Economist). *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2020, vol. 18, no. 3, p. 78–86. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7935-2020-18-3-78-86
- Shrouf, A.** Sprachwandel als Ausdruck politischen Wandels: am Beispiel des Wortschatzes in Bundestagsdebatten 1949–1998. Frankfurt am Main, Peter Lang, 2006, 349 S.
- Smith, C.** Modes of discourse. The local structure of texts. Cambridge Uni. Press, 2005, 320 p.
- Sokolova, M. A.** Polysemy of the English political terminology (on the example of consubstantial term power). Cand. of Philol. Sci. Diss. Moscow, 2016, 176 p. (in Russ.)
- Solomonovskaya, A. L.** Translators' Prefaces in Germanic and Slavic domains of the ninth century: traditional topoi and new elements. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2018, vol. 16, no. 1, pp. 63–75. (in Russ.)
- Styazhkina, L. A.** Conflict of dominant and alternative discourse (by the example of "Nane Russia" TV project). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2013, vol. 12, no 6: Journalism, pp. 48–56. (in Russ.)
- Stoet, G., Geary, D.** Gender differences in the pathways to higher education. *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*, 2020, vol. 117 (25), pp. 14073–14076.
- Styrina, E. V., Martirosyan, A. A.** Elements of Fictionality in Media Texts: Facts vs Fiction. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2021, vol. 19, no. 1, pp. 92–105. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7935-2021-19-1-92-105
- Torfin, J.** Discourse theory: achievements, arguments and challenges. In: Howarth, D., Torfin, J. (eds.). *Discourse Theory in European politics. Identity, Policy and Governance*. London, Palgrave Macmillan, 2005, pp. 1–31. DOI 10.1057/9780230523364_1

- Trubetskova, E. G.** Medical discourse and / or morbual code: problems of terminology of modern literary criticism. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. New Series. Series: Philology. Journalism*, 2021, vol. 21, no. 2, pp. 186–191. (in Russ.)
- Tsutsieva, M. G.** Actualization of the language personality of the politician in the modern German discourse. Abstract of the Cand. of Philol. Diss. St. Petersburg, 2019, 40 p. (in Russ.)
- Wodak, R.** Discourse. Politics. Trans. from English and German. Volgograd, Peremena, 1997, 139 p. (in Russ.)

Информация об авторе

Александр Борисович Алексеев, кандидат филологических наук

Information about the Author

Alexander B. Alexeyev, Candidate of Sciences (Philology)

*Статья поступила в редакцию 07.10.2021;
одобрена после рецензирования 05.01.2022; принята к публикации 20.01.2022
The article was submitted 07.10.2021;
approved after reviewing 05.01.2022; accepted for publication 20.01.2022*